

ведена была железная. Бутылки с водкой тут же были извлечены из карманов и разбиты о приклады трёхлинеек.

Уже в сумерках пропустив в село обоз, выставив охранения, Офицерский полк вместе с Юнкерским батальоном стал на ночлег в многочисленных хуторах севернее, обеспечивая Армию от возможной активности отброшенного днём противника. Жители и здесь покинули свои дома. Оставались кое-где лишь женщины и дети, которые смотрели на добровольцев с ужасом. Те торопились поесть и тут же засыпали.

1-я батарея получила приказ проследовать на сборный пункт на Филипповском тракте и оттуда идти ночевать в Царский Дар.

В сравнении с достигнутым результатом потери добровольцев за этот день казались ничтожными. Офицерский полк недосчитался 50-ти человек³⁰⁷, в Корниловском выбыло из строя 11 бойцов. Однако в условиях полного окружения и с каждым днём менявшегося не в пользу добровольцев соотношения сил и средств, потери, как бы малы они ни были, медленно, но верно сокращали численность и подтачивали боеспособность Армии.

6.9. Бой у Филипповского. Аулы

Боевые действия у села Филипповского, развернувшиеся одновременно, как на правом, так и на левом берегу реки Белой, заслуживают особого внимания. Дело не в том, что это было, пожалуй, наиболее масштабное и ожесточённое боестолкновение, выдержанное Армией. И не в том, что на этот раз большевики проявили невиданное упорство³⁰⁸... В бою у Филипповского в первый раз за весь поход Добровольческая армия оказалась на грани поражения и на волосок от гибели.

³⁰⁷ Из них больше половины потеряла вторая рота: 6 убитых и 20 раненых.

³⁰⁸ Ещё в конце января руководимый К.М. Ищенко ВРК села Филипповского объединил отряды Красной гвардии близлежащих сёл и станицы Рязанской. Появилась так называемая «Филипповская армия» (командир М.Ф. Толкачёв). 22 февраля (7 марта) в Филипповском состоялось Чрезвычайное заседание «Районного армейского военно-революционного совета», на котором едва ли не основное внимание было уделено укреплению дисциплины в многочисленных красновардейских отрядах.

Капитан Капелько

В 4 часа утра 10(23) марта Корниловский полк был поднят по тревоге. Корнилов приказал Неженцеву захватить переправу, выйти на левый берег реки Белой и занять господствующие над местностью бугры, протянувшиеся параллельно руслу на удалении от него до двух километров. К мосту от села пролегла дамба такой же приблизительно длины, что вынуждало полк следовать походным порядком и предполагало известную скудность.

Головным шёл 2-й батальон, и едва лишь он вступил на мост, окопавшиеся неподалёку красногвардейцы открыли плотный ружейно-пулемётный огонь. Заговорила и артиллерия. Пристрелялись ли большевики заранее, или дистанция до цели была минимальна, но сразу же последовали одно за другим попадания. Произошло короткое замешательство. Пытаясь выйти из-под обстрела, многие даже прыгали в реку. Батальон проскочил мост, но при этом понёс большие потери. В числе многих других были убиты командир батальона полковник Мухин и командир 6-й роты капитан Петров³⁰⁹.

За 2-м батальоном переправился и весь полк, а за ним и Чехословацкий батальон. Пройдя по мосту колонной, части тут же рассыпались в цепи на левом берегу и атаковали бугры. Из ближайших окопов красногвардейцы отступили, «корниловцы» поднялись на гребень, но дальше продвинуться не смогли и вынуждены были залечь.

На этот раз советские войска атаковали Армию одновре-

³⁰⁹ В этом же бою, в тот момент, когда победа уже склонялась на сторону добровольцев, погиб и капитан Капелько. Пуля попала ему в голову, и капитан был убит на месте. Потери добровольцев на этот раз были куда значительно, нежели в предыдущих боях. В одном лишь Корниловском полку выбыло из строя до 200 человек. И в их числе, раненым командир 1-го батальона полковник Е.Г. Булюбаш. После боя 2-й батальон принял полковник Индейкин, а 6-ю роту – штабс-капитан Томашевский.

менно с разных направлений. Едва началась стрельба на западном берегу реки, с севера повела наступление на Филипповское местная Красная гвардия и подошедшие от Некрасовской «сорокинцы». Ситуация усугублялась тем, что вслед за Корниловским полком начал переправляться и обоз. Исход боя далеко ещё не был решён, добровольцы у холмов местами даже стали подаваться назад, но обоз не мог стоять на месте, и вынужден был продвигаться под непрерывным обстрелом в неизвестность³¹⁰. Армия оставляла правый берег.

Партизанский полк следовал с обозом. Юнкерский батальон, прикрывая переправу с севера, под натиском подавляющего своей численностью противника медленно отходил к селу. Тут же стоял готовый прийти ему на помощь и конный дивизион. Технической роте было приказано сжечь мост, едва по нему пройдёт последняя добровольческая часть, и не дать на её плечах переправиться через реку противнику.

У моста находился Корнилов со штабом. Внешне он был совершенно спокоен, но отдаваемые приказы говорили об обратном. Из проходящего обоза по внешнему виду изымали офицеров, способных пойти в бой. Тут же их вооружали и отводили в сторону. Собралось свыше ста человек, которые были разделены на две команды и перешли в подчинение к Богаевскому. Партизанский полк получил приказ оставить обоз, выдвигаться к холмам и развернуться правее «корниловцев».

В какой-то момент не выдержал напряжения Чехословацкий батальон. Расстреляв патроны, его бойцы стали отходить к переправе. Корнилов, за неимением резервов направил к ним свой конвой. Текинцы, подскакав, снабдили батальон патронами, залегли рядом и открыли огонь. Противник на этом участке был остановлен. Сам Командующий перебрался на небольшую возвышенность за фронтом своего полка. В непосредственной близости расположились и все четыре добро-

³¹⁰ Снаряды ложились в непосредственной близости. Прямыми попаданиями было разбито несколько повозок. Экипаж генерала Алексева опрокинуло, при этом кучер-австриец был смертельно ранен и вскоре скончался. Самого генерала спасло то, что он был в этот момент у переправы с войсками.

вольческих батареи, командирам которых Корнилов лично указывал цели³¹¹.

Пришла очередь и Офицерского полка. Несомненно, Корнилов до последнего сберегал его для решающего удара, которым рассчитывал переломить бой в свою пользу. Но добровольцы под нажимом намного превосходившего их численно противника начали тут и там подаваться с гребня к переправе. Даже Корниловский полк, левый фланг которого с самого начала находился под угрозой охвата, вынужден был отступить и начал окапываться. Неженцев, заметно нервничающий, скакал от одного своего батальона к другому, но выправить ситуацию не мог. Наконец, послал к Командующему за помощью.

Всё действительно висело на волоске. Займи большевики господствующие высоты, они попросту расстреляли артиллерийским огнём зажатые между холмами и поймой болотистой, непроходимой вброд реки и Армию, и обоз. Ситуация усугублялась и тем, что к этому времени Юнкерский батальон на левом берегу оставил уже Филипповское и, преследуемый красногвардейцами, поспешно отходил к переправе. Корнилов приказал Миончинскому поддержать юнкеров. Одно орудие тут же было развёрнуто и открыло огонь, под прикрытием которого Юнкерский батальон оторвался, наконец, от противника. Первым на левый берег проскочил конный дивизион. Едва проскакал последний всадник, чины Технической роты, неизвестно по какой причине посчитавшие, что переправились *все* части, подожгли мост. Часть вышедших к нему юнкеров пробежала по уже пылающему настилу, другие переправились вброд. Советские войска, занявшие Филипповское, попытались пройти к реке, но были обстреляны Миончинским и предпочли повернуть обратно. На этом бой на правом берегу закончился. На левом же сражение было в самом разгаре. И казалось, победа склоняется на сторону большевиков.

Ждать больше было нельзя. Марков получил приказ направить 2-ю и 3-ю роты Офицерского полка на левый фланг «кор-

³¹¹ Артиллерия на этот раз переправилась первой, чтобы стать своевременно на позиции и прикрыть переправу.

ниловцев» для его обеспечения. 4-я рота пошла впереди обоза, который под обстрелом не мог уже стоять на месте, расчищая дорогу и проталкивая «основные силы» вслед за собой. 1-я рота оставалась в резерве у переправы, но бездействовала недолго.

Наступала кульминация боя. Добровольческие цепи, выйдя на гребень, отделились от переправы на полтора-два километра. Пользуясь этим, вдоль русла реки с юга никем не замеченный подошёл советский отряд. Красногвардейцев оказалось не так и много, но с этого направления переправа прикрыта не была, и предупредить их продвижение было некому. Армию спасло то, что большевики не разобрались в обстановке и не отважились прорваться к мосту. Остановились в километре и открыли огонь.

– Отбросить! – скомандовал Марков командиру 1-й роты подполковнику Плохинскому. Рота, рассыпавшись в цепь, устремилась навстречу противнику, который вынужден был отходить. Добровольцы готовы были пойти в преследование и отбросить красногвардейцев подальше от переправы, но в это время значительные силы большевиков обошли открытый фланг 3-й «марковской» роты и угрожали уже всей Армии глубоким охватом. Подскакавший Марков остановил и перенацелил 1-ю роту. Та развернулась и побежала назад. За складками местности направление определяли по звуку завязавшейся ожесточённой перестрелки. Наконец, выскочили на открытое место и прямо перед собой увидели фланг густой цепи красногвардейцев, обходивших в свою очередь 3-ю роту. Добровольцы обстреляли их с двух-трёх сотен шагов. Потом пошли в штыки. Навстречу контратаковала и 3-я рота. Потеряв под перекрёстным огнём и в недолгом штыковом бою до трёхсот человек, красногвардейцы отхлынули всей массой, и атаковать больше уже не пытались.

А 1-я рота, вне всякого сомнения, спасшая в этот день левый фланг Армии, вновь шла скорым шагом к реке. Отброшенный ею обходной отряд большевиков получил подкрепления, оправился и предпринял новую попытку продвинуться к переправе. Ему во фланг и ударила с разбега 1-я рота и на этот раз потрепа-

ла куда основательнее. Красногвардейцы в полном беспорядке бежали.

Положение по всей линии стабилизировалось. Перестрелка продолжалась. Красногвардейцы не выходили ещё из боя, но больше не атаковали. От активности, от следующих одна за другой фронтальных атак и решительных попыток обойти фланг Армии и смять добровольческие цепи не осталось и следа.

Вот как описывает дальнейшее Богаевский: «Когда в бой было введено решительно всё, что мы имели, боевое счастье улыбнулось нам: большевики, видимо, потеряли веру в свой боевой успех и ограничивались уже только одной стрельбой, не переходя в наступление.

Стоя на высоком стогу соломы³¹² за своими цепями, я хорошо видел всё поле сражения: оно было непривычно широко для наших сил... У красных была видна почти сплошная линия цепей; у нас – коротенькие цепочки, такие маленькие и жалкие, с большими промежутками между ними. И всё же большевики не решались атаковать нас...

Так, с переменным успехом, бой тянулся почти целый день. Но вот настал психологический момент перелома боя: наша стойкость сломала упорство красных; у них не хватило смелости перейти в решительное наступление; у нас – она нашлась. Корнилов верно схватил минуту для приказа перейти в атаку³¹³, – и она вышла блестящей... В полном беспорядке бежали.

³¹² Вслед за Корниловым и командиры его частей выбирали в качестве наблюдательных пунктов всё, что возвышалось над местностью. Благо, ранней весной стога были разбросаны по полям Кубани в изобилии.

³¹³ Чуть иначе трактует момент перелома Левитов. Вот что он пишет: «Корниловцы выбили красных, но дальше продвинуться не могли не только потому, что нужно было лезть на крутой, обрывистый берег под убийственным огнём, вырвавшим из наших рядов сразу же больше сотни жертв, но и потому, что справа Партизанский полк не продвигался, слева Офицерский полк отбивал атаки, а юнкера в арьергарде отходили к только что пройденному нами мосту перед превосходящими силами противника. Лазарет и обозы переправлялись на нашу сторону. Снаряды красных и даже пулемёты простреливали нас со всех сторон. Полк залёг, и только половина 3-й роты всё продвигалась по кустам вперёд, на правую сторону дороги... На флангах бой усиливался, но продвижения не было видно. К 14 часам полурота 3-й роты, продвигавшаяся всё время вправо от дороги на станицу Рязанскую, по релье-

рядке большевики бросились бежать. Мы двинулись за ними.

И вот в это время по нашим бесконечно уставшим рядам, среди измученных раненых в обозе, молнией пронеслась долгожданная радостная весть: «Покровский с Кубанцами идут к нам на соединение».

Только тот, кто слышал тогда наше «ура», может понять ту безумную радость, которая охватила всех нас при этом известии...»

Всё это было. Вдоль цепей скакал всадник и выкрикивал: «Соединились с конницей генерала Эрдели!» И всё же подхваченное всей линией «ура» связано было не только и не столько с известием о Кубанском отряде. Вернее, оно сопровождало

фу местности и по стрельбе увидела, что она зашла за левый фланг красных, сидящих на бугре против нашего полка... Ближайшие к нам красноармейцы... смешались и пустились бежать вдоль своих окопов... Мы двигались жиденькой цепочкой к их окопам, а они всё больше очищали их. Вот здесь-то и произошло историческое знаменитое «ура»...

В свою очередь Павлов утверждает, что противник стал отходить по всей линии «со вступлением в бой Офицерского полка».

Все они по-своему правы. Каждый был очевидцем событий на своём участке. Каждый видел то, что и хотел увидеть, решающий вклад своей части. И действительно трудно спорить с тем, что именно удачные действия на флангах решили исход боя. Но они послужили лишь сигналом к общему наступлению. «В горячем сражении бывают минуты, – замечает Деникин, – иногда долгие часы, когда между двумя враждебными линиями наступает какое-то странное и неустойчивое равновесие. И достаточно какого-либо ничтожного толчка, чтобы нарушить его и сломить волю одной из сторон, психологически признавшей себя побежденной». Но то, что толчок этот был подхвачен, предопределили стойкость и упорство всех частей, удержавших линию и вырвавших инициативу у противника, численно превышающего боевой состав Армии в разы.

Прав и Богаевский. Корнилов точно уловил момент, когда красногвардейцы утратят способность к наступлению и веру в свои силы. И именно тогда отдал приказ об общем наступлении. Но этот приказ ожидали и добровольцы. Едва грянуло «Ура!» на правом фланге, тут же вся Армия, уже готовая победить, в едином порыве пошла вперёд. И остановить её было невозможно.

Что касается советских отрядов, стянутых со всей округи для прикрытия Майкопского направления, то следует признать, действовали они решительно, целеустремлённо и весьма организованно. Но лишь до тех пор, пока победа казалась достижимой. Едва удача стала отворачиваться от красногвардейцев, и наметился охват левого фланга, предпочли отойти и пропустить Армию.

перелом боя и переход Добровольческой армии, весь день из последних сил отбивавшей превосходящего противника, в решительную атаку. Боевой клич, вселяющий веру в победу, не было необходимости передавать с посыльными. Его слышали и подхватывали в свою очередь все.

К тому же до соединения с Кубанцами было ещё далеко. Разъезд их действительно вышел по шуму боя в расположение Армии. Корнилову было доложено, что отряд ведёт тяжёлые бои в 50-60 километрах западнее, и положение его ухудшается с каждым днём. Командующий принял решение ускоренным маршем двигаться навстречу³¹⁴, что уже и выполнялось.

Полурота 3-й роты «корниловцев» не стала дожидаться подхода полка, а вышла на дорогу и головной заставой армии проследовала в Рязанскую. Противник оставил станицу, которую покинуло и большинство жителей³¹⁵. Корниловский полк проследовал через Рязанскую и остановился на ночлег в ауле Хибунай. Аул также был пуст. Те из местных жителей, кому повезло уцелеть, ушли в горы.

Армия вытягивалась в походную колонну и выдвигалась к северо-западу. Впереди шла 4-я рота «марковцев». За ней – «главные силы». Не доходя до Рязанской, рота свернула с дороги влево и стала заслоном, прикрывая и пропуская идущую

³¹⁴ Среди других неотложных дел решалась постепенно и проблема усиления конницы. В Кореновской у противника было захвачено некоторое количество строевых лошадей. Корнилов приказал опальному Гершельману изъять из пехоты кавалерийских офицеров, вновь переводя их в конную часть. Укрупнялся дивизион и за счёт присоединяющихся к Армии кубанских казаков. Так на днёвке в станице Рязанской в него влился взвод есаула Я. Рыковского в составе 9 лейб-казаков и 25 казаков станицы Брюховецкой.

³¹⁵ 6(19) февраля 1918 г. горцы сформировали отряд под командованием Султан Килеч-Гирея и выставили у аула Габукай заслон против наступающей Красной гвардии. После того, как, не удержавшись, отряд отошёл к Екатеринодару, казаки станицы Рязанской вместе с советскими войсками приняли участие в карательной экспедиции против горских аулов. В ходе её проведения большие жертвы понесло, прежде всего, мирное население, и станичники опасались теперь мести добровольцев. Здесь нашли своё проявление уже не социальные, а так и не изжитые национальные противоречия, в которых казак и иногородний, уже готовые, казалось, вцепиться в горло друг другу, оказались вдруг по одну сторону баррикады.

к ночлегу Армию³¹⁶. В расположении роты было назначено и место сбора для Офицерского полка, Юнкерского батальона и 1-й батареи. После часового отдыха ко вновь образованному отряду подъехал Марков и повёл его на запад, южнее Рязанской. В 2 часа ночи 11(24) марта добровольцы, перейдя реку Пшиш, достигли аула Габукай, где и смогли, наконец, выспаться.

Поднялись ещё до рассвета³¹⁷ и продолжили движение. Дорога с многочисленными остановками на крутых спусках и подъёмах давалась тяжело. Зато не было ни боёв, ни обстрела. И здесь уже готова была вступить в свои права весна. Все аулы, через которые проходили части, оказывались неизменно пустыми. Население в любых войсках видело лишь угрозу своему существованию и спешило оставить жилища.

К 15 часам следовавший в авангарде Корниловский полк вошёл в аул Понежукай, который оказался обитаемым. Горцы, наконец, поняли, что через их территорию проходят не враги. Многие присоединились к добровольцам. Вскоре к аулу стянулась и вся Армия³¹⁸.

Корнилов решил предоставить людям полноценный отдых. До середины дня 12(25) марта их никто не беспокоил приказами. Добровольцы смогли наконец-то по настоящему выспаться и привести, насколько это было возможно, себя в порядок. Однако вскоре было получено известие о том, что красногвардейцы от Рязанской преследуют Армию и вскоре подойдут к аулу Нешукай. Корнилов приказал продолжать движение, арьергарду в составе Юнкерского батальона и 1-й батареи принять бой и отбросить противника.

Генералу Боровскому предписывалось удерживать аул лишь до темноты, а потом сняться и следовать за Армией. При этом во избежание ненужных потерь отражать большевиков огнём

³¹⁶ В самой станции ночевал лишь штаб и ставший в арьергарде Партизанский полк.

³¹⁷ Батарею поднял лично Марков. Заснувший дежурный по батарее не произвёл вовремя подъёма, за что и получил выговор от Миончинского. 1-й батарее пришлось потом догонять ушедший вперёд отряд.

³¹⁸ Некоторые части, и в частности, 1-я батарея ночевали в рядом расположенном ауле Нешукай.

и в контратаки не переходить. К полудню показались подошедшие небольшие группы красногвардейцев. Накопившись в достаточном количестве, они развернулись в цепь и повели наступление.

1-я батарея к началу боя стояла на площади. В какой-то момент Миончинский решил сменить позицию. Орудия выехали вперёд, к цепям, стали на огородах, откуда и поддерживали добровольческую цепь огнём до самого вечера. Уже темнело, когда Боровский приказал юнкерам отходить. Однако он не учёл, что батарее трудно будет выбираться с перекопанных, окружённых со всех сторон оврагами огородов.

Красногвардейцы на этот раз не отказались перед вечером от активных действий. Видя отход добровольцев, пошли за ними и усилили огонь. Батарея поспешно взялась на передки, развернулась и стала отходить к аулу. Случившийся рядом командир прикрывающей отход батальона роты посоветовал поторопиться, так как получил приказ не задерживаться в ауле.

На переезде через узкий мосток колесо соскользнуло с полотна, и одно из орудий свалилось в реку. Уже в темноте, стоя по грудь в воде, номера старались вытащить орудие на руках, но ничего не выходило. Видя это, рота юнкеров остановилась и задерживала противника до тех пор, пока орудие не оказалось на берегу. После этого батарея вышла на дорогу и вскоре догнала Офицерский полк.

Шедший в авангарде Корниловский полк первым вступал в аулы. За ним подтягивался обоз. В арьергарде, прикрывая его, шёл отряд Маркова. В ночь на 13(26) марта «корниловцы» достигли аула Гатлукай. После ночлега наутро выступили и к 13 часам вошли в аул Почепший³¹⁹, куда вскоре прибыли и шедшие всю ночь «марковцы». Ставшая в охранение Техническая рота подверглась неожиданной атаке проехавшего в её расположение вооружённого пулемётами автомобиля. Нападение было отбито, но пять офицеров пропали без вести. Искать их не было никакой возможности. Армия, не задерживаясь, шла на запад.

После ночного перехода добровольцы заняли аул Шенджий,

³¹⁹ Левитов утверждает, что отсюда уже был виден Екатеринодар.

в котором и стали на днёвку. В этот день 14(27) марта в сопровождении конвоя из горских всадников для переговоров с Корниловым в аул прибыл произведённый по случаю Радой в генералы Командующий войсками Кубанского края Виктор Леонидович Покровский.

6.10. Кубанский отряд. Ледяной поход. Новодмитриевская

В ауле Шенджий Кубанский отряд задержался на два дня³²⁰ и 4(17) марта перешёл в станицу Пензенскую³²¹. 6(19) марта

³²⁰ «В Шенджие обнаружилась печальная картина, – пишет Филимонов, – отсутствие единодушия среди начальников частей и острые раздоры между ними. Выяснилось, что Покровский популярен лишь среди чинов своего партизанского отряда. Начальники же почти всех остальных частей в него не верили и не признавали его авторитета.

Полковник Улагай и капитан Раевский открыто заявили об этом на совещании. К ним присоединились и два других, более видных кубанских офицера: полковник генерального штаба Кузнецов и георгиевский кавалер полковник Деменик.

Полковник Улагай... после искренней беседы согласился подчиниться Покровскому. Полковник же Деменик оказался непримиримым и держался в оппозиции всему, что исходило от Покровского...

Почти все начальники высказались за движение отряда параллельно Кавказскому хребту в направлении к Майкопу, а потом в район Баталпашинского отдела; Деменик горячо доказывал бесплодность борьбы с большевиками и находил необходимым переправиться через хребет по так называемому Дефановскому перевалу и по Черноморскому шоссе укрыться в Абхазии. План Деменика был отвергнут, но через несколько дней он его осуществил самовольно. Когда ему и полковнику Кузнецову была дана задача прикрыть движение отряда в аул Локшукай, то он, увлекая за собой полковника Кузнецова и других, откололся от отряда... На ночлеге в одной из деревень отряд подвергся нападению большевиков, и Деменик был убит... а полковник Кузнецов заключён в Майкопскую тюрьму, а потом расстрелян. Полковнику Бабиеву и другим офицерам отряда удалось каким-то чудом спастись, и они впоследствии по одиночке присоединились к Добровольческой армии».

³²¹ По словам Д.Е. Скобцова в Пензенскую из аула Шенджий прибыл станик-черкес с посланием от советского командования. Послание было доставлено в аул на автомобиле Гуменным. Предлагалось прекратить вооружённую борьбу и перейти к мирным переговорам. На оборотной стороне документа было написано личное послание Гуменного к Филимонову (он знал Атамана, так как в Раде был представителем фронтовиков). Рада переговоры отвергла.

Тот же посланник сообщил, что в ауле слышали отзвуки артиллерийской канонады под Екатеринодаром. В том числе, и эти сведения определили следование отряда к Кубани и попытку переправы у Пашковской.